

Ахметсагирова Лейсан Исламовна

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ ВОЕННОЙ СФЕРЫ
(на материале русского и немецкого языков)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре английского языка Института языка
ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Багаутдинова Гузель Анваровна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Арсентьева Елена Фридриховна
	кандидат филологических наук, профессор Мухаметдинова Роза Галеевна
Ведущая организация:	Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Защита состоится 21 июня 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина». Режим доступа: <http://www.ksu.ru>

Автореферат разослан 17 мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена лингвокультурологическому исследованию фразеологических единиц военной сферы (далее ФЕВС) как средств языковой категоризации русской и немецкой картин мира, как особых знаков языка и культуры.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом к изучению проблем взаимоотношения языка, культуры и национального менталитета. Актуальным представляется изучение фразеологии военной сферы в рамках интенсивно развивающегося направления в лингвистике – лингвокультурологии, признающего необходимость изучения языка сквозь призму сознания его носителей и выделение в языковых объектах знаков культуры. Фразеология военной сферы в русском и немецком языках – пласт самобытных фразеологизмов, возникших в своеобразных культурно-исторических условиях. Она является одним из емких средств отражения в языковой системе суммы представлений о мире, включая также знание о самом человеке. Несмотря на то, что фразеология военной сферы в разных языках была в центре внимания работ ряда авторов (В.М. Мокиенко, Ш.И. Васильев, Л.Н. Венедиктова, И.В. Дукальская и др.), в том ракурсе, в котором проводится данное исследование, она еще не являлась объектом специального сопоставительного изучения. В связи с этим актуальным представляется реконструкция цельной системы представлений, отраженной ФЕВС в русском и немецком языках, с целью выявления универсального и этноспецифического в мировидении двух лингвокультур; выявление способов и средств воплощения культурных смыслов в содержании фразеологизмов военной сферы в сопоставляемых языках. Изучение специфики русского и немецкого национально-культурного мышления и освоение культурной информации, заложенной во фразеологии военной сферы, способствуют диалогу культур.

Объектом исследования выступает фразеология военной сферы как одна из репрезентативных сфер обогащения русского и немецкого языков и важное средство моделирования русской и немецкой языковых картин мира.

К фразеологии военной сферы (тематические и временные границы установлены нами достаточно широко) относятся фразеологизмы, связанные с военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием военного дела. В группу ФЕВС включаются фразеологизмы, возникшие из речи военных, высказываний исторических личностей (преимущественно военных). Отдельными источниками, породившими пласт ФЕВС, являются средневековые рыцарские турниры и фехтовальное искусство, которым принадлежит важное место в эволюции военного искусства. Рыцарские турниры представляли собой военные состязания рыцарей в средневековой Западной Европе, целью которых был показ боевых качеств рыцарей, составлявших основу феодальных ополчений. Рыцарские турниры являлись в известной мере узаконенным видом феодальной войны (БСЭ 1977, т.26: 370).

Фехтование как форма обучения приёмам владения холодным оружием с середины XIX в. являлось обязательным элементом дворянского воспитания и

до середины XX в. входило в программу боевой подготовки в армии (сабля, шашка, штык и др.), в учебные планы военных учебных заведений (БСЭ 1977, т.27: 326).

Исследуемый фразеологический материал мы не ограничиваем хронологическими рамками: анализу подлежат все ФЕВС русского и немецкого языков, зафиксированные в современных фразеологических словарях, независимо от времени их происхождения. Такой широкий подход к материалу исследования мы считаем оправданным и необходимым, поскольку перед нами стоит задача изучения наиболее полного объема ФЕВС, отражающего все богатство и своеобразие данного фразеологического фонда в исследуемых языках и позволяющего раскрыть важную роль ФЕВС в моделировании русской и немецкой языковых картин мира.

Предметом диссертационной работы является семантика ФЕВС как особых знаков языка и культуры. Сопоставительный анализ фразеологии военной сферы в русском и немецком языках осуществляется в аспекте ее системных и антропоцентрических свойств.

Материалом для исследования послужили фразеологизмы военной сферы, отобранные в соответствии с нашим широким пониманием фразеологии путем сплошной выборки из одно- и двуязычных современных фразеологических, тематических, лингвистических, синонимических, толковых и этимологических словарей русского и немецкого языков. В общей сложности было отобрано более 1200 ФЕВС в сопоставляемых языках.

Цель диссертационной работы – выявление национальной лингвокультурной специфики репрезентации русской и немецкой языковых картин мира посредством фразеологии военной сферы.

Поставленная в диссертации цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- критически изучить научную литературу по затрагиваемым проблемам; определить исходные теоретические основания исследования; разъяснить используемый нами в работе понятийно-терминологический аппарат;

- вычленить из фразеологических фондов русского и немецкого языков корпус ФЕВС;

- на основе привлекаемых идеографических, психологических и философских работ представить тематическую классификацию исследуемого фразеологического материала;

- дать интерпретацию анализируемых фразеологических единиц (далее ФЕ) в рамках представленной классификации: выявить сходства и различия в языковой категоризации русской и немецкой картин мира;

- на основе анализа внутренней формы сопоставляемых ФЕВС раскрыть специфику мировосприятия и мировидения русской и немецкой лингвокультур;

- на основе анализа образных основ ФЕВС русского и немецкого языков в рамках лингвокультурных кодов доказать, что ФЕВС обоих языков активно участвуют в «окультуривании» окружающего мира.

Поставленные цель и задачи исследования предопределили выбор ряда **методов**, позволяющих в результате взаимодополнения получить наиболее объ-

ективные результаты. При изучении и обобщении результатов были применены общенаучные методы систематики, классификации и обобщения, а также методы лингвистического анализа: сопоставительно-типологического, синхронного сопоставления; компонентного (семного) в сочетании с методом анализа словарных дефиниций; этимологический. По мере необходимости использовался статистический метод обработки/ обобщения материала.

Теоретико-методологическим основанием работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях: общего языкознания, лексикологии и фразеологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, этимологии, психологии и философии (работы В.фон Гумбольдта, Э.Сепира, А.А. Потебни, Е.Ф. Арсентьевой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Г.А. Багаутдиновой, Л.К. Байрамовой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Анны А. Зализняк, М.Л.Ковшовой, А.В. Кунина, С.А. Лебедева, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, Р.А. Немова, Э.М.Солодухо, В.Н. Телия, И.И. Чернышевой, Н.М. Шанского, А.Д. Шмелева, H.Burger, W.Fleischer, Th.Schippan и др.).

Степень изученности темы. Военная сфера не раз привлекала к себе пристальное внимание лингвистов и становилась объектом их исследований. Этот факт не вызывает удивления, поскольку военная сфера – одна из центральных сфер жизнедеятельности любой нации: борьба за существование и сферы влияния в мировом пространстве была и остается важнейшей в жизни различных народов.

Большая часть работ лингвистов, связанных с изучением военной сферы, посвящена детальному исследованию военной лексики – одной из древнейших и обширных тематических групп (Багаутдинова 2001; Лосева-Бахтиярова 2005; Фахрутдинова 1999 и др.). Интерес лингвистов вызывают становление военной лексики в различных языках и отражение в ней развития военного дела.

Новым направлением в изучении военной сферы считается анализ концепта «military service» (военная служба) и его составляющих в художественном дискурсе (на материале английского языка), который осуществляется в работе С.Б. Волковой (Волкова 2009).

По нашим данным, изучению фразеологии военной сферы в синхронном плане специальных исследований не посвящалось. В то же время фразеология военной тематики в диахронном аспекте уже была объектом исследования. Военная фразеология древнерусского языка (XI-XIV вв.) была изучена в рамках диссертационной работы Ш.И. Васильева (Васильев 2006). Фразеология военной сферы привлекается в рамках анализа концепта «Война». В частности, Г.И. Зиятдинова изучает отражение концепта «Война» во ФЕ татарского языка (Зиятдинова 2009); Л.Н. Венедиктова – во ФЕ английского и русского языков (Венедиктова 2004). Одним из аспектов изучения И.В. Дукальской является исследование лексико-фразеологического воплощения субкода «Оружие» лингвокультурного кода «Артефакты» (Дукальская 2009). Фрагментарно фразеология военного происхождения анализируется в работах В.М. Мокиенко (Мокиенко 1999; 2003). Однако ни в одном из известных автору исследований до сих пор специально не ставился вопрос об особенностях языковой категоризации русской и немецкой картин мира посредством фразеологии военной сферы.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что впервые в сопоставительном плане изучаются фразеологические единицы военной сферы на материале двух разноструктурных языков; впервые изучается роль ФЕВС в моделировании различных фрагментов русской и немецкой ЯКМ; впервые осуществляется анализ языковых особенностей ФЕВС; впервые изучается значимость ФЕВС в русском и немецком языках как знаков культуры; проводится семиотический и лингвокультурологический анализ данных ФЕ. Результаты исследования наиболее ярко отражают особенности мировидения представителей русской и немецкой лингвокультур и свидетельствуют о самобытности их культур.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно вносит вклад в разработку проблем общей и сопоставительной фразеологии, семасиологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, межкультурной коммуникации и т.д. В диссертации дальнейшей разработке подверглись проблемы универсального и идиоэтнического в исследуемых языках, рассмотрены и уточнены такие понятия, как картина мира, языковая картина мира, фразеологическое значение, внутренняя форма фразеологизма, лингвокультурные коды.

Практическая значимость связана с тем, что материалы работы и полученные результаты могут служить основанием для дальнейших исследований в этой области, а также могут быть использованы в практике преподавания русского и немецкого языков в иноязычной аудитории. Данные исследования могут найти применение при составлении учебно-методической литературы по общей и сопоставительной фразеологии, семасиологии, лингвострановедению, межкультурной коммуникации, сравнительной типологии русского и немецкого языков, разработке спецкурсов для студентов, изучающих русский и немецкий языки. Обширный инвентарь фразеологизмов может найти применение также при составлении толковых, фразеологических, лингвокультурологических, историко-этимологических, идеографических словарей.

Положения, выносимые на защиту:

– Сопоставительное изучение фразеологии военной сферы разносистемных языков представляется чрезвычайно важным, поскольку она является одной из репрезентативных сфер обогащения языка и важным средством отражения в языковой системе суммы представлений о мире, включая также знание о самом человеке.

– Фразеология военной сферы в русском и немецком языках представлена богатой палитрой значений и участвует в кодировании различных фрагментов сопоставляемых языковых картин мира. Распределение двуязычного фразеологического материала происходит по четырем тематическим группам: «Человек», «Человек и социум», «Человек и реалии окружающего мира», «Универсальные категории».

– Наиболее представленной в количественном плане в русском языке является группа «Человек и социум», в немецком – «Человек»; наименее – в обоих языках «Человек и реалии окружающего мира». Данные факты свидетельствуют об антропоцентричности ФЕВС русского и немецкого языков.

– Внутренняя форма ФЕВС русского и немецкого языков наиболее ярко демонстрирует как общечеловеческий, так и этноспецифический характер мировосприятия и мировидения изучаемых лингвокультур.

– Образы ФЕВС русского и немецкого языков могут интерпретироваться в пространстве культурного знания. Культурные смыслы, носителями которых являются образы-основания русских и немецких ФЕВС, кодируются в сопоставляемых языках следующими лингвокультурными кодами: антропоморфным, объектным и количественным. Названные лингвокультурные коды в обоих языках подразделяются на субкоды, каждый из которых обладает собственной семантической спецификой.

Апробация работы. Основные результаты настоящего исследования обсуждались на международных конференциях «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008), «Иностранные языки в современном мире» (Казань, 2009), «Основные проблемы современного языкознания» (Астрахань, 2009), «Слово и текст: коммуникативный и исторический аспекты» (Ростов-на-Дону, 2009); «Межкультурная коммуникация в глобальном мире» (Владимир, 2009). По теме диссертации опубликованы 5 работ, в том числе 1 – в научном издании по перечню ВАК, две находятся в печати (одна из которых – в научном издании по перечню ВАК).

Объем и структура диссертации обусловлены поставленной целью, кругом решаемых задач и спецификой материала исследования. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (списка литературы и источников), принятых в тексте работы сокращений. В работе представлены 19 таблиц.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы и новизна поставленных в работе проблем, раскрываются цели и задачи исследования, состояние разработанности исследуемой проблемы, определяются объект, предмет, методы, практическая и теоретическая значимость настоящего исследования и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы сопоставительного изучения языковых картин мира (на материале фразеологии военной сферы)»** стоит задача критического изучения теоретической литературы по проблемам языковой картины мира, фразеологического значения, внутренней формы и лингвокультурных кодов; определения исходных теоретических положений исследования; разъяснения используемого в работе понятийно-терминологического аппарата. Глава состоит из четырех параграфов.

В **§ 1 «Языковая картина мира как объект лингвистического исследования»** анализируются история возникновения понятия языковой картины мира (далее ЯКМ), современные положения о ее сущности и уточняются перспективы изучения русской и немецкой ЯКМ в свете ФЕВС.

Одной из важнейших и актуальных проблем современного языкознания является проблема отражения в сознании человека цельной картины мира (да-

лее КМ) и реконструкции ее языкового варианта. Особый интерес языковедов к проблемам, связанным с КМ, репрезентируемой в языке, объясняется их убежденностью в том, что «путь к осмыслению феномена человека» лежит именно через естественные языки (Маслова 2004: 113).

Термин «языковая картина мира» формулируется в отечественной науке в 70-х годах XX века (Брутян 1973), хотя само понятие ЯКМ восходит к идеям В.фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л.Вайсгербер и др.) о *внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира – Уорфа, – с другой.

В работе, вслед за В.Н Телия, под ЯКМ понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность образов, понятий, эталонов, стереотипов и символов, которые представляют знания определенного народа об окружающем мире. Данные знания, полученные в процессе познавательной деятельности человека, оцениваются им в соответствии с системой норм в обществе и фиксируются в значении языковых единиц (Телия 1996).

Описание русской и немецкой ЯКМ, воссоздаваемых в свете ФЕВС, намечается в двух направлениях. Учитывая то, что логическое (когнитивное) отражение мира в сознании носителей различных языков в целом и главным совпадает (Маслова 2004: 67), выявлению подлежит общечеловеческое, универсальное в содержании ФЕВС как компонентов ЯКМ. Одновременно характеристике подлежат национальные особенности фразеологизмов военной сферы, обусловленные, в частности, «спецификой жизнедеятельности» (Алефиренко 2005: 275) исследуемых этнокультурных общностей как способа закрепления их опыта познания мира.

В § 2 «Семантика фразеологизмов – источник универсальных и национально-специфических черт языковых картин мира» изучается проблема фразеологического значения и раскрывается особая значимость ее изучения в связи с описанием и выявлением универсальных и национально-специфических черт ЯКМ в сопоставительном плане.

В работе семантическая структура фразеологизма рассматривается как сложное единство двух макрокомпонентов – денотативно-сигнификативного и коннотативного. Денотативно-сигнификативный макрокомпонент значения (ДСМЗ) служит для соотнесения с данным референтом и указывает на предмет, отражая его природные или отличительные свойства. Именно денотативный аспект значения может воплощать «культурно значимую информацию» в том случае, если ФЕ обозначают реалии материальной и духовной культуры. Однако «культурно значимая информация» в ряде случаев может выражаться в коннотативном макрокомпоненте значения (КМЗ). Коннотация – семантическая сущность, компоненты которой сопутствуют ДСМЗ. КМЗ представляет собой сложное иерархически организованное целое, структуру которого составляют оценочный, эмотивный, экспрессивный и функционально-стилистический компоненты.

В ходе анализа языковых особенностей русских и немецких ФЕВС стано-

вится возможным выявить общие и специфические черты в вербализации фрагментов сопоставляемых КМ посредством названных ФЕ. Результаты исследования семантики ФЕВС в русском и немецком языках позволяют получить ответ на вопросы: каково знание о мире и самом человеке, привносимое изучаемыми ФЕ в соответствующие ЯКМ: пейоративно, мелиоративно или нейтрально; какова позиция отражающего субъекта, его отношение к этому знанию; к какой сфере действительности относятся обозначаемые с помощью ФЕВС понятия?

В § 3 «Внутренняя форма ФЕ – модель языкового мышления» находит отражение развитие теории внутренней формы ФЕ – категории, сложной и многогранной; подчеркивается особая важность исследования внутренней формы (далее ВФ) для раскрытия особенностей мировидения русских и немцев.

Изучение ВФ ФЕ напрямую «раскрывает специфику восприятия и понимания разными народами одних и тех же явлений» (Багаутдинова 2007: 169). В соответствии с целями исследования ВФ ФЕ рассматривается как образ, положенный в основу фразеологической номинации, ассоциируемый в сознании говорящих с предшествующим переменным сочетанием слов и отражающий один или несколько существенных признака денотата. Выделение и анализ образных основ, то есть того, что послужило «строительным материалом» для фразеологизмов (Хайруллина 1997: 94), производится с целью выявления общего и частного в ЯКМ русской и немецкой культурных сообществ, ведь именно «в образном основании фразеологизмов разных типов особенно конденсировано воплощаются характерные черты мировидения лингвокультурной общности» (Телия 1996: 10).

§ 4 «Лингвокультурные коды – способ описания пространства культуры» раскрываются сущность и роль лингвокультурных кодов в организации пространства культуры и описании национальных ЯКМ.

Общепринятым считается, что образы являются отражением способа мировосприятия и миропонимания определенной лингвокультуры. Данное обстоятельство побуждает исследователей определять системы образов в рамках лингвокультурных кодов (Багаутдинова 2007; Гудков 2004; Дукальская 2009; Захаренко 2004; Ковшова 2009; Красных 2001; Маслова 2004; Телия 1996 и др.). Под «кодом культуры» или «культурным кодом» в работе, вслед за В.Н. Телия, понимается таксономический субстрат ее текстов, являющийся совокупностью окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений (Телия 1999: 20–21). Тематическая классификация кодов культуры (природный, антропный, социальный, пищевой и т.д.), по мнению М.Ю. Ковшовой, позволяет исследовать, как в объединенных общей темой и разных по субстанции знаках воплощаются те или иные культурные смыслы (Ковшова 2009: 22). Обретая словесную форму, невербальные культурные коды становятся лингвокультурными (Дукальская 2009а: 31).

Анализ работ, посвященных рассмотренным выше проблемам, убеждает в

том, что изучение семантики подлежащих анализу ФЕВС, их ВФ и образных оснований в рамках лингвокультурных кодов позволит нам наиболее полно описать русско- и немецкоязычные картины мира, создаваемые в свете ФЕВС, раскрыть их уникальные и универсальные черты; выявить особенности русского и немецкого менталитета и мировидения.

Во второй главе «Идеографическая картина мира в зеркале ФЕВС русского и немецкого языков: классификация ФЕВС» проводится детальное изучение участков отражаемой действительности, вербализуемых ФЕВС; выявляются общие и специфические фрагменты русской и немецкой ЯКМ, создаваемые посредством ФЕВС сопоставляемых языков; анализируются особенности языкового отражения представлений о мире и самом человеке сквозь призму русских и немецких ФЕВС.

Фразеология военной сферы в русском и немецком языках представлена богатой палитрой значений и участвует в кодировании различных фрагментов сопоставляемых языковых картин мира. В ходе анализа фразеологического материала выделены четыре крупных тематических группы: «Человек», «Человек и социум», «Человек и реалии окружающего мира» и «Универсальные категории», которые подразделяются на 18 фразеосемантических групп (ФСГ) и 54 фразеосемантических подгруппы (ФСП).

Выделение фрагментов отражаемой действительности лишь внешне характеризует роль ФЕВС в категоризации русской и немецкой ЯКМ и не позволяет установить глубинные характеристики изучаемых ЯКМ. В связи с этим необходимым и актуальным в процессе исследования является раскрытие языковых особенностей, присущих рассматриваемым языковым единицам, поскольку результаты этого анализа дают ценнейшие сведения об общих и специфических чертах в вербализации отдельных участков КМ посредством изучаемых ФЕВС.

В § 1 «Тематическая группа "Человек"» с помощью ФЕВС русского и немецкого языков в соответствующих ЯКМ реконструируется образ человека.

Согласно нашему анализу, тематическая группа «Человек» в количественном плане наиболее насыщена в немецком языке (рус. 36,6 %; нем. 44,4 %). Она состоит из двух тематических подгрупп «Психическая характеристика человека: характер и свойства личности» и «Физические характеристики человека».

В первой подгруппе представлены ФЕВС русского и немецкого языков, кодирующие:

– отношение человека к другим людям, к самому себе, к делу и вещам: *неодобр. тихой сапой < действовать, добиваться чего-л. и т.д. >* (скрытно, коварно); нем. *неодобр. mit verschlossenem Visier kämpfen [fechten]* (бороться скрытно, коварно; букв. биться, сражаться с опущенным забралом);

– эмоции и чувства человека: рус. разг. экспресс. чаще *неодобр. лезть/ ползть на стену [стенку, стены]* (приходить в крайнее раздражении или неистовство); нем. разг. чаще *неодобр. auf jn geladen sein* (злиться на кого-л.; разъяряться на кого-л.; букв. быть заряженным; ФЕ исходит из представления о заряженном оружии, которое может выстрелить в любое время);

– волю человека: рус. разг. экспресс. *брать/ взять кого-л. на абордаж* (2. действовать решительно по отношению к кому-л.); нем. разг. экспресс. *ran[gehen] wie*

Blücher (действовать решительно; букв. ринуться в бой, как Блюхер);

– интеллектуальные процессы: рус. *далекий [дальний] прицел*; с *далеким [дальним] прицелом* (об отдаленной, обычно скрывающейся цели, замыслах); нем. разг. *экспресс. etw. auf der Pfanne haben* (1. иметь что-л. на уме, замышлять что-л.; букв. иметь что-л. в полке кремневого ружья);

– речь: рус. *экспресс. скрестить/скрецивать шпаги с кем-л.* (2. вступать в идейный спор с кем-л.); нем. *высок. экспресс. eine scharfe Klinge führen [schlagen]* (кто-л. остро полемизирует; букв. носить острый клинок);

– внимание: рус.: разг. *брать/взять на прицел [на мушку] кого-, что-л.*; нем. разг. *устар. jn auf der Kimme haben* (букв. иметь кого-л. на прорези прицела).

При этом только ФЕВС русского языка номинируют способности человека: рус. разг. *экспресс. кто-л. военная косточка [кость] в ком-л.*; разг. *экспресс. кто-л. с военной косточкой*; а ФЕ немецкого – память: нем. *etw. Revue passieren lassen*: перебирать в уме (в памяти) (восходит к выражению *die Truppen Revue passieren lassen* производить смотр войск, принимать парад войск).

Во второй подгруппе анализируемые ФЕВС обозначают:

– внешность человека: рус. *ирон. тяжелая артиллерия* (тяжеловесные, неповоротливые, медлительные люди); нем. *экспресс. Gardemaß haben* (иметь высокий рост; букв. иметь рост, пригодный для зачисления в гвардию);

– его физическое состояние: рус. *прост. экспресс. кого-л. пушкой не поднять* (о крепко спящем или слишком пьяном человеке); нем. разг. *фам. шутл. voll wie eine Granate (sein)* (быть сильно пьяным; букв. (быть) полным, как граната, плотно заполненная взрывчатым веществом).

В § 2 «Тематическая группа "Человек и социум"» в зеркале ФЕВС сопоставляемых языков представляется социальная сущность человека.

Результаты исследования тематической группы «Человек и социум» показывают, что данная группа в большей степени представлена в русском языке (рус. 41,8 %; нем. 40,6 %). Она характеризует человека по:

– профессии, роду занятий: рус. разг. *экспресс. бог войны* (артиллерист); нем. *blaue Helme* (солдаты сил ООН; букв. голубые каски);

– гражданской позиции: рус. *экспресс. в авангарде <быть, находиться, идти и т.п.>*; нем. *экспресс. die Vorhut bilden* (находиться в первых рядах, в ведущей части какой-л. общественной группы; букв. образовывать авангард);

– статусу, положению: рус. *второй эшелон* (1. запасные воинские части; 2. о тех, кто заменяет в случае нужды более опытных, ведущих); нем. *шутл.-ирон.; презр. zum Fussvolk gehören [gezählt werden]* (занимать незначительное (подчиненное) положение; букв. относиться к пехоте);

– действиям и их характеристикам: *книж. ковать оружие; предосуд. развязать/развязывать войну*; нем. *экспресс. die Waffen sprechen lassen* (букв. дать оружию заговорить).

§ 3 «Тематическая группа "Человек и реалии окружающего мира"» посвящен описанию явлений и предметов, окружающих человека и отраженных сквозь призму русских и немецких ФЕВС.

Третья тематическая группа «Человек и реалии окружающего мира» в обоих языках наименее фразеологически насыщена (рус. 9,6 %; нем. 6 %). Ее

составляют ФЕВС, номинирующие:

– вооруженные силы и вооружение: рус. *солдатская жена*: устар. разг. ружье; нем. *die dicke Berta*: 42-сантиметровое орудие; букв. толстая Берта;

– исторические реалии: рус. *крепость-герой*: почетное звание, присвоенное Брестской крепости; нем. *Waffenschmiede des Reiches*: город Эссен (букв. оружейная кузница империи).

В § 4 «Тематическая группа "Универсальные категории"» находит отражение в обоих языках фиксация универсальных категорий посредством ФЕВС.

В тематическую группу «Универсальные категории» (рус. 12 %; нем. 9%), занимающую в количественном плане третью позицию, входят две ФСГ:

– «Существование, бытие»: рус. *дело пахнет [пахло] порохом*: прост. о приближающейся опасности, угрозе со стороны кого-либо, чего-либо; нем. *der Funke im Pulverfass sein*: экспресс. быть очагом конфликта (букв. быть искрой в пороховой бочке);

– «Универсалии бытия»: рус. *прост. экспресс. пушкой не прошибешь* (1. очень много, о большом количестве народа); нем. разг. *in hellen Haufen* ((валить) валом).

На основе количественных данных распределения эмпирического материала по тематическим группам становится возможным говорить о преимущественно антропоцентрическом характере семантики изучаемых ФЕ. Согласно тематической классификации, ФЕВС в русском и немецком языках кодируют, прежде всего, семантически тождественные участки сопоставляемых КМ. В плане особенностей языковой вербализации фрагментов внеязыкового мира в ходе нашего исследования установлено, что как русские, так и немецкие ФЕВС фиксируют в основном отрицательные участки соответствующих картин мира. Вследствие этого ЯКМ данных лингвокультур обогащаются в большей степени за счет пейоративных значений, вызывающих у говорящих на данных языках отрицательные чувства-отношения, а отсюда большей части изученных ФЕВС свойственна пейоративная эмотивная модальность. Более нейтральна в оценочном и эмотивном планах, как показывает наш анализ, тематическая группа «Человек и реалии окружающего мира» сопоставляемых языков. В целом ЯКМ обоих языков в свете ФЕВС ярко экспрессивны. Анализ языковых особенностей, присущих рассматриваемым ФЕ, выявляет преобладание общих, сходных черт в вербализации отдельных фрагментов КМ посредством русских и немецких ФЕВС.

На основе результатов исследования можно сделать вывод о том, что ФЕВС в сопоставляемых языках участвуют, прежде всего, в трансляции констант «общечеловеческого» знания. Наличие различий, специфических особенностей свидетельствует о самобытности и своеобразии соответствующих КМ, воссозданных в свете ФЕВС.

В третьей главе «Внутренняя форма ФЕВС как средство отражения особенностей мировидения русской и немецкой лингвокультур» анализу подлежат внутренние формы ФЕВС русского и немецкого языков. Детальному описанию подвергаются образы тематической подгруппы «Психическая харак-

теристика человека: характер и свойства личности» тематической группы «Человек», являющейся наиболее репрезентативной областью, осмысляемой и вербализуемой посредством ФЕВС в изучаемых языках. Сопоставительное изучение, проводимое на данном этапе, позволяет выявить универсальное воплощение констант «общечеловеческого» знания о мире и установить вариации в отражении этих констант в русском и немецком языках.

В соответствии с задачей, поставленной в главе, был выявлен круг образов, которые человек выделяет из множества элементов военной сферы и использует в процессе познания и описания окружающей действительности. Анализ образов ФЕ исследуемой тематической группы показывает, что при осмыслении такого фрагмента действительности, как свойства личности и черты характера, носители русского и немецкого языков обращаются к образам, непосредственно восходящим к военному делу. Это образы разных видов оружия и его элементов; военных операций; территорий боевых действий; военных команд; военных объектов; принадлежностей вооружения; военной техники; воинов; состояния воина и др. В процессе осмысления и номинации названных фрагментов действительности представители русской и немецкой лингвокультур обращаются также к образам, которые отображают реалии, опосредованно связанные с военным делом и подвергшиеся переосмыслению. Это образы людей (исторических личностей), народов, соматизмов, универсальных категорий, объектного мира.

Образные основания русских и немецких ФЕВС рассматривались в двух направлениях. Во-первых, внутри фразеосемантических групп, выделенных в ходе сопоставительного анализа и представленных во второй главе, и, во-вторых, в соответствии с особенностями внутренней формы и компонентного состава анализируемых ФЕВС. С учетом совпадения компонентного состава, а также на основе тождественных либо сходных ВФ изучаемых ФЕ выделены группы межъязыковых образных соответствий. Русские и немецкие ФЕВС, демонстрирующие полное несовпадение компонентного состава и ВФ, определены в группу монологических образов.

§ 1 «Межъязыковые образные соответствия фразеологизмов военной сферы в русском и немецком языках» посвящен подробному описанию и сопоставительному исследованию межъязыковых образных соответствий ФЕВС в русском и немецком языках, используемых для обозначения психической характеристики человека: характера и свойств его личности.

Анализ образных фразеологизмов военной сферы в русском и немецком языках показывает, что в исследуемых языковых картинах мира содержится одинаковое знание о данном фрагменте действительности. Это проявляется в существовании *межъязыковых структурно-семантических соответствий*, совпадающих по всем компонентам и внутренней форме. Согласно данным исследования, полная соотнесенность внутренней формы и семантики ФЕ немецкого и русского языков наблюдается у ФЕВС-интернационализмов. Для примера ниже приводится фрагмент таблицы, отражающий межъязыковые структурно-семантические соответствия фразеологизмов военной сферы в изучаемых языках:

Таблица 1.

Межъязыковые образные соответствия ФЕВС
ФСГ «Отношение человека к другим людям, к самому себе, к делу и вещам»

Фразеотема	Образ	Фразеологизм	
		русский язык	немецкий язык
Честность, правдивость, открытость	забрало/ das Visier	с открытым [поднятым] забралом выступить/ выступать с открытым забралом поднимать/ поднять забрало	mit offenem Visier kämpfen [fechten] das Visier lüften
Дружелюб- ность, доброжела- тельность, миролюби- вость	мост/ die Brücke трубка мира/ die Friedens- pfeife меч/ das Schwert der Spieß (копье)	строить золотой мост отступающему неприятелю закурить/ курить трубку мира вкладывать/ вложить меч в ножны перековать мечи на орала	dem Feind goldene Brücken bauen/ jm eine (goldene) Brücke/ goldene Brücken bauen mit jm die Friedenspfeife rauchen das Schwert (gern) in die Scheide stecken aus Spießen Sicheln machen
Агрессив- ность, враждеб- ность	оружие der Säbel (сабля) der Degen (шпага)	бряцать оружием бряцание оружием	mit dem Säbel rasseln mit dem Degen rasseln

Тот факт, что ряд представленных в таблице межъязыковых пар ФЕ выявляет некоторые различия в структурно-семантическом плане (например, рус. *бряцать оружием*; *бряцание оружием* – нем. *mit dem Säbel rasseln* (букв. бряцать саблей); *mit dem Degen rasseln* (букв. бряцать шпагой); рус. *дары данайцев, данайский(ие) дар(ы)* – нем. *es ist ein Danaergeschenk* и др.), не является опровержением нашего утверждения об общности взглядов на мир русской и немецкой лингвокультур. На наш взгляд, сходство видения мира может быть «обнаружено на более обобщённо-глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения» (Гукетлова 2009: 20). При общей сходности значений ФЕВС в русском и немецком языках допустимы лексические различия, различия во ВФ. В процессе межкультурной коммуникации представители русской и немецкой лингвокультурных сообществ будут без труда понимать ФЕВС, в основе которых лежат одинаковые образы.

В результате исследования фразеологического материала выявлены межъязыковые пары, обладающие сходной ВФ, но расходящиеся на уровне семантики. Это так называемые «ложные» эквиваленты. Это, например, ФЕ с образными основами, непосредственно отражающими военное дело:

– *гвардия (die Garde)*: рус. *старая гвардия*; нем. *(noch) von der alten Garde sein* (букв. быть (еще) из старой гвардии);

– *мина (die Mine)*: рус. *подвести/ подводить [подкладывать/ подложить]*

мину под кого-л. и нем. *gegen jn eine Mine legen* (букв. заложить мину).

В первой паре русская ФЕ имеет значение «испытанные, опытные деятели в какой-либо сфере деятельности» и выделяет в человеке качества, характеризующие отношение человека к делу; немецкая единица означает «надежный, высоких нравственных качеств человек» и характеризует отношение человека, как правило, к другим людям. Во второй паре русский фразеологизм имеет значение «исподтишка устраивать кому-либо большую неприятность, стараться подорвать чье-либо положение», а немецкая ФЕ – «плести интриги».

Такие ФЕ могут стать причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении. Исследованные ФЕВС с тождественной (сходной) ВФ, но с отличающейся семантикой могут послужить ярким примером разного образа мышления; позволяют проследить особенности выделения в процессе номинации значимых для двух культурных сообществ признаков.

В § 2 «Моноязыковые образы фразеологизмов военной сферы в русском и немецком языках» анализируются русские и немецкие ФЕВС, демонстрирующие полное несовпадение образов.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, черты характера и свойства личности находят не только общее языковое воплощение с помощью русских и немецких ФЕВС. При назывании одних и тех же черт характера представители русской и немецкой лингвокультур чаще всего обращаются к разным образам. При общности семантики рождаются различные внутренние формы, образы, возникающие в русском и немецком языковом сознании на основе различных ассоциаций. Данный факт является ярким свидетельством проявления особенностей национально специфического воплощения «универсальных инвариантных представлений о мире» (Гудков 2004: 42). Приведем в качестве примера фрагмент таблицы, отражающий полное несовпадение образов русских и немецких ФЕВС:

Таблица 2.

Моноязыковые образы ФЕВС

ФСГ «Отношение человека к другим людям, к самому себе, к делу и вещам»

Фразеотема	Русский язык		Немецкий язык	
	образ	фразеологизм	образ	фразеологизм
Ненадежность	разведка	в разведку не пойдешь с кем-л.	der Kantonist (кантонист)	ein unsicherer Kantonist
Лицемерие, неискренность скрытность, коварство	фронт завеса сапа	действовать на два фронта дымовая завеса тихой сапой < действовать, добиваться чего-л. и т.п. >	die Bataillonen (батальоны) das Visier (забрало) der Dolch (кинжал)	mit den stärksten Bataillonen sein mit verschlossenem Visier kämpfen [fechten] einen Dolchstoß versetzen
Работоспособность, энергичность,	порох	с порохом кто-л.; у кого-л. пороху хватает [хватило]	die Berserker (берсеркеры) Blücher	arbeiten wie ein Berserker ran[gehen] wie

активность/ медлитель- ность	артиллерия	тяжелая артиллерия	(Блюхер) die Truppe (воинск. часть)	Blücher von der schnellen Truppe sein
Предательство	фронт шпага	переменить фронт; продавать/ продать шпагу	die Fahne (знамя)	mit fliegenden Fahnen zu jm, etw. (zum Gegner) übergehen [überlaufen]

В то же время выбор того или иного образа в основание ФЕВС детерминирован историческими реалиями и условиями жизненной (военной) практики изучаемых лингвокультурных социумов. В силу влияния данных факторов образы русских и немецких ФЕВС становятся «трансляторами» знания и опыта, присущего только одному из сопоставляемых лингвокультур. В образных основаниях данных ФЕ «законсервирована» уникальная история двух народов. Так, например, русский фразеологизм *лезть/ полезть на стену [стенку, стены]* (приходить в крайнее раздражение или неистовство) не что иное, как оборот, возникший среди воинов древней Руси. Укрепленные города тогда обносились высокими каменными или деревянными стенами. Штурмовать их было крайне опасно и трудно: в атакующих сверху стреляли, их кололи, обливали кипящей водой и смолой, забрасывали камнями. *Лезть на стенку* значило проявлять особую храбрость, а также, иногда, – и безрассудную горячность (СРФ 1999: 549). Во многих культурах в древние времена города брали путем штурма стен. Однако только носители русского языка «обратили внимание» на этот исторический факт, и только в сознании русских эта военная практика получила метафорическое переосмысление и преобразование, что привело к сохранению этого оборота в русском языке в качестве ФЕ.

Специфика выбора образов ФЕВС, указывая на особенности мышления немцев и русских, все же выявляет общность когнитивных механизмов, в частности, механизмов ассоциации. В разных образах, выбранных русскими и немцами для номинации одной и той же черты характера человека, можно обнаружить ассоциативную параллель. Например, такие качества человека, как несдержанность и вспыльчивость, у представителей изучаемых языков ассоциируются с чем-то взрывным, вспыхивающим, динамичным. У русских – это порох (*порох порохом; как порох вспыхнуть; кто-л. как порох*) и мотор самолета, имплицитно подразумеваемый во ФЕ: *заводиться с полуоборота*. Последняя ФЕ возникла во время второй мировой войны в речи летчиков и употреблялась по отношению к быстро заводящемуся мотору самолета (СРФ 1999: 461). У немцев подобные ассоциации вызывает сигнальная осветительная ракета, стремительно взмывающая вверх: *wie eine Rakete hochgehen* (букв. взмывать вверх, как ракета). Названные ФЕ доказывают то, что при всем различии и многообразии образов лежащие в основе образования ФЕВС ассоциации в русском и немецком языках оказываются весьма схожими.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что большинство рассмотренных ФЕВС в русском и немецком языках имеют различия

во ВФ, а, следовательно, и в национально-культурном отношении. Поэтому в этом плане их можно считать носителями «культурной информации» (Черданцева 1995: 69). Именно группа ФЕВС, демонстрирующая полное различие образов, в силу своей национально-языковой и культурной специфики будут представлять наибольшую трудность для понимания при коммуникации представителей русско- и немецкоязычного социумов.

Таким образом, проведенное в главе исследование ФЕВС в русском и немецком языках наиболее ярко отразило видение и восприятие мира русскими и немцами при назывании одних и тех же фрагментов внеязыковой действительности.

Образы ФЕВС других тематических групп и подгрупп также являются разнообразными по составу и представляют особый интерес для дальнейших исследований, так как они являются для русской и немецкой «наций органами их оригинального мышления и восприятия» (Гумбольдт 1984: 324).

Четвертая глава «Роль образов ФЕВС в организации пространства культуры русского и немецкого языкового социумов» состоит из трех параграфов. В них стоит задача выявления и интерпретации культурных смыслов, носителями которых являются образы ФЕВС, точнее, реалии, которые они отражают в русском и немецком языках.

В ходе лингвокультурологического анализа выявлен широкий спектр культурных смыслов, носителями которых являются образы реалий, заложенные в основания ФЕВС и кодируемые лингвокультурными кодами. Под культурными смыслами реалий, участвующих в создании образов русских и немецких ФЕВС, в работе понимается совокупность представлений о них, сформировавшихся в процессе их существования в анализируемых лингвокультурах, зафиксированных в языковом сознании русских и немцев и проявляющих себя во ФЕВС изучаемых языков (ср. Захаренко 2003). При этом одни ФЕВС русского и немецкого языков выполняют «культурную» функцию с помощью общих, универсальных образов, другие – уникальных. При определении уникальности образов ФЕ мы опирались на дефиницию уникалий, данную Л.К. Байрамовой: «Лингвистическая уникалия – это признак, свойство, внутрисистемная языковая корреляция, закономерность и т.д., которые обладают параметром ограниченности, единичности, исключительности и специфичности (Байрамова 2004: 71).

В результате сопоставления фразеологических фондов военной сферы русского и немецкого языков установлено, что культурные смыслы, носителями которых являются образы-реалии, заложенные в основания ФЕВС в обоих языках, кодируются следующими лингвокультурными кодами: «Антропоморфным», «Квантитативным» и «Объектным». Данные коды задают и предопределяют категоризацию, структуриацию и оценку материального мира. Они, в свою очередь, состоят из субкодов.

Антропоморфный лингвокультурный код в сопоставляемых языках представлен субкодами: «Народы», «Имена людей / исторических личностей», «Соматизмы», «Воинские единицы». В описании квантитативного кода участвуют наименования войсковых подразделений; уникальными образами, лежащими в основании ФЕВС русского языка, являются компоненты-соматизмы. Объектный

лингвокультурный код в обоих языках воплощен субкодами: «Оружие», «Принадлежности вооружения» и «Военная техника».

Лингвокультурологический анализ субкодов показал, что каждый из них обладает собственной семантической спецификой. Сопоставительное исследование установило, что представления о реалиях, заложенных в образные основания ФЕВС в русском и немецком языках, формируются в результате переосмысления и интерпретации их онтологических свойств, признаков и функций. При чем переосмысление осуществляется в духовных, нравственных категориях. Система ценностных ориентаций, закодированная в образах ФЕВС русского и немецкого языков, восстанавливалась нами через интерпретацию данных образов посредством обращения к обусловившим их знакам культуры. Как показало исследование, одни и те же образные основы могут быть носителями различных культурных смыслов.

В качестве примера рассмотрим культурные смыслы, воплощаемые в русских и немецких ФЕВС и кодируемые субкодом **«Войсковые единицы»** антропоморфного лингвокультурного кода. Анализ представлен в § 1 **«Образы русских и немецких ФЕВС в рамках антропоморфного лингвокультурного кода»**.

Данный субкод передает представления носителей русского и немецкого языков, связанные с различными войсковыми единицами, и представлен в сопоставляемых языках и культурах преимущественно уникальными образами.

Как в русском, так и в немецком языке используется универсальный образ **авангардных войск** (*die Vorhut*) – частей войск, флота, находящихся впереди главных сил. Этот образ употребляется для характеристики людей, находящихся впереди, в первых рядах, в передовой, ведущей части какой-нибудь общественной группы: рус. *в авангарде* <быть, находиться и т.п.>; нем. *die Vorhut bilden* (букв. образовывать авангард). При этом в сопоставляемых языках и культурах обнаруживается семантическая и образная солидарность, а признаки «активность» и «передовые позиции» являются наиболее прозрачными характеристиками, переносимыми с образа данных войск на человека.

Ту же идею воплощает в русском языке наименование другой войсковой единицы **отряда** – штатного или нештатного (временного) воинского формирования, создаваемого для выполнения боевой или специальной задачи. Могут создаваться передовые, сторожевые, штурмовые и др. отряды. При этом задача передового отряда – обеспечение организованного вступления в бой главных сил; быстрого проникновения в глубину обороны противника; захват важных рубежей и объектов и т.д. (ВЭС 2002: 1096; 1132–1133). Принимая во внимание задачи передового отряда, составляется картина признаков, характеризующих его: «впереди», «активность», «особенность», «важность». Эти признаки были переинтерпретированы в пространстве культуры и стали употребляться для характеристики наиболее активной, прогрессивной группы людей: *передовой отряд*.

Только в русском языке используется образ **арьергарда** – части войск, флота, находящихся позади главных сил. Задачей арьергарда является задержание наступающего противника, обеспечение отрыва от него главных сил и их

организованного отхода (ВЭС 2002: 109). В процессе переосмысления основных признаков арьергарда в центр внимания представителя русской лингвокультуры попадала, по-видимому, пространственная позиция данных войск. Поэтому обращение к образу арьергарда осуществляется при номинации таких пространственных представлений, как «находиться сзади, в задних рядах»: *в арьергарде* <быть, находиться и т.п.>.

Сходный образ – *das Hintertreffen*, образ задних частей, рядов войск, армии в момент построения битвы или самого сражения представлен в немецкой ФЕВС. Образ немецкой ФЕ отрицательно коннотирован. Причина этого обстоятельства кроется в бытовавшем среди воинов кодексе. Согласно воинскому кодексу, тот, кто попадал из линии сражения в задние ряды, в резервные части, терял уважение. Ассоциации воинов, связываемые с *das Hintertreffen*, а это «постыдная позиция», «потеря чести и уважения», преобразовались в такие культурные смыслы, как «невыгодное положение», «ущерб», «страдание», имеющие одинаковое оценочное значение со знаком «минус». Воплощение этих культурных смыслов происходит во ФЕ: *ins Hintertreffen geraten [kommen]* (попасть в невыгодное положение; потерпеть ущерб, пострадать); *im Hintertreffen sein [sich im Hintertreffen befinden]* (быть в невыгодном положении; терпеть ущерб, страдать). К образу *das Hintertreffen* обращаются также для того, чтобы охарактеризовать ситуацию, когда кто-либо приводит кого-либо в невыгодное положение: *jn ins Hintertreffen bringen*. Образ *das Hintertreffen* – своего рода эталон в немецкоязычной культуре, в чём образно измеряется социальное положение, моральное или физическое состояние человека.

Уникальной образной основой в системе русских ФЕВС является образ *десятка* – старинного названия самой простой военной единицы, мельчайшего боевого подразделения, возглавлявшегося десятником. Из десятков, в свою очередь, составляли сотни, тысячи и т.д. (ср. сотник, сотский, тысяцкий и т.п.). Отсюда и название казачья сотня. Образ десятка в сознании современных русских ассоциируется с понятиями храбрости или трусости. Представления, связываемые с десятком, имеют далекие исторические корни. Раньше, когда какой-либо воин из своего десятка проявлял в бою храбрость, про него говорили, что он *не (из) робкого [трусливого] десятка*; *(из) храброго десятка*; трусость – *не (из) храброго десятка*; *робкого десятка*. Из военной сферы выражение перемещается в гражданскую, бытовую, где становится характеристикой человеческих качеств: смелости или трусости. В XVIII в. круг подобных выражений был уже весьма широк: *незабывайлова десятка*, *раздробливого десятку*, *замотайлова десятка* (СРФ 1999: 158).

С идеей «препятствовать, мешать кому-либо, чему-либо» связаны в русском языковом сознании уникальные образы *заслона* и *кордона*, находящие отображение в следующих ФЕ: *ставить/поставить заслон кому-, чему-л.*; *ставить/поставить кордоны кому-, чему-л.* Оба выражения (второе – полукалька с французского) связаны с военной профессиональной речью, где *заслон* – войска, обеспечивающие прикрытие основных сил, не дающие возможности врагу помешать главной операции во время боевых действий; *кордон* – пограничный или заградительный отряд (СРФ 1999: 201; ОЭСРФ 1987: 138–139). Функции

названных войск были переосмыслены русскими в духовно-нравственных категориях и наделены культурными смыслами, описывающими действия отдельных людей или групп людей. При этом наблюдается явное расхождение в оценочных смыслах, заключенных в общеязыковом и метафорическом значениях названных выражений. Если общеязыковое значение свободных словосочетаний можно обобщить как «преградить путь противнику, прикрыть главные силы, используя соответствующие роды (части) войск», и имеет нейтральную оценочность, то их переосмысленное метафорическое значение несет в себе отрицательный оценочный заряд.

Подводя итоги, следует сказать, что преобладающее большинство образов субкода «Войсковые единицы» выявлено в русском языке, что, по-видимому, свидетельствует о том, что при осмыслении и «окультурировании» окружающего мира образы войсковых единиц в русском языковом социуме играли бóльшую роль, чем в немецком.

Результаты анализа, проведенного на данном этапе исследования, показывают, что ФЕВС в русском и немецком языках представлены в основном уникальными образами. Наш лингвокультурологический анализ показал, что в представлениях о войсковых единицах исследуемых лингвокультур нельзя выделить определенную семантическую доминанту, составляющую основу их метафорических трансформаций. В основе метафорических преобразований лежат различные семантические составляющие. Уникальные образы, не имеющие соответствия в другом языке, свидетельствуют о лингвоспецифическом процессе познания и отражения фрагментов действительности, результат которого накладывается на образ универсального характера; о самобытности обеих лингвокультур и наличии своеобразного знания в мировоззрении русских и немцев.

Наличие универсальных образов свидетельствует о том, что каждая из лингвокультур в процессе познания и осмысления мира черпает знания из общекультурного наследия. В то же время совпадение образов ФЕВС в изучаемых языках, как уже отмечалось в третьей главе и подтверждается в данной, объясняется одинаковым видением мира, обусловленным общими процессами когнитивности человека или схожестью объективного источника – внешнего мира.

Подобным образом в работе проанализированы образы русских и немецких ФЕВС в рамках других лингвокультурных кодов и субкодов.

Результаты исследования, проведенного в настоящей главе, служат доказательством тому, что ФЕВС в русском и немецком языках активно участвуют в «окультурировании» окружающего мира.

В **заключении** диссертации подведены итоги исследования и представлены его основные научные результаты.

Необходимость описания ЯКМ, выявления особенностей национального менталитета и национального мировидения предопределяется потребностями межкультурной коммуникации. Чтобы диалог коммуникантов различных языковых сообществ проходил без сбоев, нужно овладеть иностранным языком в полном объеме: понять менталитет народа, говорящего на данном языке, ознакомившись с культурой и культурными кодами страны изучаемого языка.

Предпринятое диссертационное исследование является первой попыткой

изучения роли ФЕВС в языковой категоризации картин мира русской и немецкой лингвокультур. Осуществленное комплексное изучение ФЕВС в русском и немецком языках на основе сопоставления семантики, внутренних форм и образов ФЕВС в рамках лингвокультурных кодов позволило выявить национальную лингвокультурную специфику репрезентации русской и немецкой языковых картин мира посредством фразеологии военной сферы, раскрыть особенности мировидения и миропонимания русскими и немцами.

Воссоздание участков отражаемой действительности, в моделировании которых принимают участие ФЕВС сопоставляемых языков, выявляет преимущество общих, сходных черт фрагментаризации и вербализации русской и немецкой КМ посредством ФЕВС над различиями.

Изучение внутренней формы ФЕВС установило, что сопоставляемые ФЕВС с тождественными ВФ и компонентным составом являются ярким свидетельством одинакового видения мира русскими и немцами. Сходство в видении мира обнаруживается и на более обобщённо-глубинном уровне семантики русских и немецких ФЕ при неполном совпадении плана выражения. Одни и те же фрагменты действительности находят, однако, не только общее отражение посредством анализируемых ФЕВС. В основу их наименования чаще всего положены различные образы, обусловленные различным характером ассоциаций, возникающих в сознании представителей изучаемых культур, или несхожестью объективного источника – внешнего мира. В этом можно видеть яркое проявление особенностей национально специфического воплощения универсальных, общечеловеческих представлений о мире.

Интерпретация образов ФЕВС в рамках лингвокультурных кодов доказала, что русские и немецкие ФЕ активно принимают участие в «окультуривании» окружающего мира и свидетельствуют о самобытности обеих лингвокультур, о наличии своеобразного знания в мировоззрении русских и немцев.

Необходимо отметить, что раскрыть всю роль русских и немецких ФЕВС в создании соответствующих ЯКМ в рамках данного исследования не представляется возможным, поскольку для этого необходимо привлечение прагматической парадигмы знаний. Прагматический или же коммуникативно-ориентированный анализ предполагает обращение к изучению контекстуальных особенностей ФЕВС. Дальнейшее исследование видится в комплексном изучении ФЕВС в различных языках во всем многообразии взаимодействия системных и прагматических факторов.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

I. Статьи в научных изданиях по перечню ВАК России

1. *Ахметсагирова Л.И.* Образы фразеологизмов военного происхождения (на материале русского и немецкого языков) / Л.И.Ахметсагирова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – №2 (46). – С. 79–83 (0,3 п.л.).

2. *Ахметсагирова Л.И.* Об эмотивности фразеологизмов военной сферы русского и немецкого языков/ Л.И.Ахметсагирова // Вестник ТулГУ (0,4 а.л.) (в печати).

II. Статьи в научных журналах и сборниках научных статей

3. *Ахметсагирова Л.И.* Оценочность фразеологических единиц военного происхождения / Л.И.Ахметсагирова // Иностранные языки в современном мире: сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – С. 22–29 (0,5 п.л.).

4. *Ахметсагирова Л.И.* Проблема экспрессивности как лингвистической категории (на материале фразеологизмов военного происхождения) / Л.И.Ахметсагирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 1 (3). – С. 20–23 (0,25 п.л.).

5. *Ахметсагирова Л.И.* Языковая картина мира в зеркале фразеологизмов военного происхождения / Л.И.Ахметсагирова // Основные проблемы современного языкознания: сб. ст. V междунар. очной науч.-практ. конф. – Астрахань: Издательский дом: «Астраханский университет», 2009. – С. 127–131 (0,3 п.л.).

6. *Ахметсагирова Л.И.* Особенности характеристики человека через призму фразеологизмов военного происхождения / Л.И.Ахметсагирова // Межкультурная коммуникация в глобальном мире: сб. материалов междунар. науч. конф. – Владимир, 2009. – С. 211–214 (0,25 п.л.).

7. *Ахметсагирова Л.И.* Образы фразеологизмов военной сферы в рамках лингвокультурных кодов (на материале русского и немецкого языков) / Л.И.Ахметсагирова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2010 (0,4 а.л.) (в печати).